

ствующим атеизмом и официальной материалистической культурой. То же испытывали профессиональные историки, антропологи и литературоведы» (р. 427). Таким аккордом завершается развивающаяся во всей книге тема взаимоотношений оккультной культуры и академического сообщества.

Специфика книги состоит в широком как хронологическом, так и тематическом охвате. Биргит Менцель во введении описывает и темы, которые не попали в предмет исследований (р. 28), но всеохватной подобная работа не может стать в принципе. Некоторые разделы построены от общего к частному, но тем не менее обилие сквозных тем и параллельных сюжетов порой оставляет ощущение повторов. С другой стороны, раздел, посвящённый постсоветскому периоду, содержательно «рассыпается», что, впрочем, отвечает духу того времени. Редакторами проделана колоссальная работа, позволяющая читателям как погружаться в насыщенные фактами исторические повествования, так и составлять представление о стройной теоретической базе всего тома. Все это позволяет использовать работу как исследователям истории российского оккультного подполья, диссидентского движения и альтернативных религиозных систем, так и всем интересующимся проблемой терминологии и методологических подходов к изучению подобных предметов.

К. А. Колкунова

Рецензия на: *Smolkin V. A Sacred Space Is Never Empty. A History of Soviet Atheism*. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2018. 352 p.

Книга Виктории Смолкин «Свято место пусто не бывает. История советского атеизма» является результатом десятилетнего исследования архивных материалов и опубликованных изданий, а также проведенных интервью. Автор работала в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и Вильнюса,

а также взяла 14 интервью у известных атеистов, некоторые из которых, в частности Н. С. Гордиенко (1929–2011), Е. К. Дулуман (1928–2013) и Н. М. Закович (1931–2017), уже покинули этот мир.

В начале книги В. Смолкин представляет три существующих нарратива о религии и атеизме в СССР: 1) антирелигиозные репрессии; 2) роль атеизма в проекте утопизма и культурной революции; и 3) советская религиозная политика как форма секуляризма. Эти три различных нарратива появлялись хронологически, но всех их, по мнению автора, объединяет взгляд на советский коммунизм как на тоталитарную политическую религию. Автор книги присоединяется к этой точке зрения, но, в отличие от своих предшественников, Смолкин рассматривает атеизм как важную часть советской идеологии, а потому фактически ведет речь об атеистическом воспитании.

Книга охватывает временной период с 1917 г. по 1991 г. Смолкин пишет, что в период воинствующего атеизма (фактически до 1943 г.) религия рассматривалась в качестве политической, а в период научного атеизма (с 1954 г.) — мировоззренческой проблемы. Выход религии в публичное пространство на глобальном уровне (с конца 1970-х гг.) вернул ее в разряд политических проблем для советских партийных и идеологических работников.

В книге сделан акцент на хрущевские и брежневские времена, а сам атеизм рассматривается в трех разных ипостасях: как наука, как мировоззрение и как социальная дисциплина. В первом случае речь идет о науке как средстве атеистической пропаганды — Смолкин иллюстрирует этот вариант через призму использования в пропаганде космической тематики. Научно-материалистическое мировоззрение, безусловной частью которого был атеизм, апеллировало к человеческому разуму. Однако автор книги на основе пер-

воисточников показывает, что партийные и идеологические работники прекрасно понимали, что этого недостаточно. Пропагандистам и агитаторам необходимо апеллировать и к человеческим эмоциям, а также решать жизненные проблемы советских граждан. Атеизм помимо грубой, негативистской критики религии постепенно дополняется позитивной стороной, предлагая оптимистическое безрелигиозное мировоззрение.

Апелляция к эмоциям в религиозном культе спровоцировала партию разработать и внедрить в советское общество новые, безрелигиозные обряды — хотя они и стали неотъемлемой частью жизни в позднее советское время, однако участие населения в религиозных обрядах прекратилось не полностью, что Смолкин объясняет распространенным идеологическим безразличием, с одной стороны, и интересом к религии как культурному явлению, с другой. Люди участвовали в церковных богослужениях и таинствах не столько из религиозных соображений, сколько из эстетических и развлекательных — в храм шли как в театр или цирк.

В книге Смолкин поднимается и вопрос о профессиональных атеистических кадрах. Так, в конце 1950-х — начале 1960-х годов фактически существовало три группы, которые что-то смыслили в религии: воинствующие атеисты, религиозные эксперты и религиозные отступники. Однако все они не очень подходили для атеистического воспитания: первые не соответствовали духу новой политики десталинизации, у вторых не было желания заниматься распространением атеизма, а третьих было не так много, и они были чужды большинству советских граждан. Поэтому партия нуждалась в «новых атеистах» (р. 113–114).

Уже через десятилетие среди новых атеистических кадров сформировалось две группы — активисты и ученые, между которыми существовал конфликт, в основе которого лежа-

ло разное понимание атеизма. Если для активистов атеизм был средством обращения советских граждан к научно-материалистическому мировоззрению, то для ученых — средством теоретического и социального исследования религии. Одним из важных и неожиданных результатов исследований научных атеистов, по мнению Смолкин, является выявление мировоззренческого и идеологического индифферентизма как отдельной и довольно распространенной позиции советских граждан.

Сутью советского атеизма, по мнению автора рецензируемой книги, были не секуляризация или секуляризм, а обращение, т.е. конверсия советских граждан в атеизм. В такой формулировке нет ничего неожиданного, поскольку через всю книгу красной нитью проходит мысль о том, что сакральное место религии в СССР пытались заполнить светскими аналогами (музеи и планетарии вместо храмов, космонавты вместо святых и пророков, научные атеисты вместо священников, советские обряды вместо церковных). Однако Смолкин пишет о том, что «советский атеизм не был секулярным, поскольку секуляризм предполагает толерантность к различиям» (р. 241), а «для советского атеизма, однако, приватизация религии не была приемлема в долгой перспективе, а индифферентизм и нейтральность были неприемлемыми в принципе» (р. 242). К этому Смолкин добавляет, что секуляризм является либеральным проектом, признающим свободу совести.

Несмотря на достаточно разнообразный и многоплановый материал, на основе которого построено исследование Виктории Смолкин, в книге, по нашему мнению, не хватает лишь одного — демонстрации особенностей функционирования атеизма в разных советских республиках. Об этом упомянуто лишь вскользь, в контексте открытия филиалов Института научного атеизма. Но даже в этом упоминании заложено имплицитное объяснение региональных особен-

ностей атеизма — они были вызваны различной «религиозной обстановкой» в республиках.

Рецензируемая книга, безусловно, будет интересна не только исследователям атеизма, советского религиоведения и антирелигиозной политики СССР. Книга написана достаточно живо, с постоянной сменой фокуса с конкретных кейсов на общую картину и обратно. Использованный архивный материал делает книгу оригинальным и увлекательным исследованием, отображающим различные аспекты советского общества, культуры и идеологии. Это дает нам основание утверждать, что книга будет интересна не только религиоведам, но также антропологам, историкам, культурологам, социологам и политологам.

О. С. Киселёв